

Александр Левитов

Насупротив!..

Александр Иванович Левитов

Насупротив!..

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657405

Сочинения: Худож. лит.; М.: 1977

Аннотация

«...Хотелось поскорее добраться до ночлега, потому что совсем свечерело и в воздухе ощутительно распространялись прохлада и тишина ночи.

Впереди меня, в влажном от вечернего тумана воздухе, неясно рисовались крыши деревенских изб...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Иванович Левитов Насупротив!..¹

I

...Хотелось поскорее добраться до ночлега, потому что совсем свечерело и в воздухе ощутительно распространялись прохлада и тишина ночи.

Впереди меня, в влажном от вечернего тумана воздухе, неясно рисовались крыши деревенских изб. Может быть, впрочем, то были деревья леса, стоящего в стороне от дороги, а может быть, что облака туманные, закрывши собою верхушки придорожных вешек, обманывали меня.

Нет! Вероятно, это крыши домов, думаю я, и действительно вдали послышался лай собак и тот неопределенный гул, который обыкновенно несется из большого села, когда подойдешь к нему не так близко, чтобы можно было видеть его.

Потом я окончательно уверился, что близко село, что только или густые ветлы его огородов, или пригорок какой-нибудь мешают мне ясно видеть его. Навстречу мне попалась какая-то унылая баба. За плечами она несла связку хвороста и при встрече со мной низко мне поклонилась.

– Бог в помощь, тетушка! – сказал я ей.

– Спасибо, кормилец, – ответила она мне самым плачевным голосом.

– Далеко тут деревня-то?

– А вот за горкой-то. Подымешься как на горку-то, там тебе и деревня будет.

– Што ж это ты, в лес, што ль, ходила по дрова? Ай лоша-денки-то нет, што сама несешь?

– Какие там лошаденки, голубчик ты мой! Шестнадцатый год вот так-то маячусь без мужа. От одних дров всю спинушку разломило. Летом-то еще ничего: выйдешь на большую дорогу, обломает ветром ветки, – ,ну и собирай, не ленись только; а зимой, как в лес-то за ними придется идти, и-их страсть какая под снегом-то их откапывать!..

– А ты бы к мужу шла, все бы, глядишь, полегче было, – посоветовал я.

– Где его найти, мужа-то? Он мне ни одной весточки об себе ни разу не дал. Ох! Далече, надо быть, загнали его.

Сильно задумался я, так что и не слышал, как подошел к самому селу.

– Будьте вкладчики на каменное строение Николаю-чудо-творцу, – растягивал древнейший старец, сидевший у часовни, выстроенной перед самым селом.

Его дребезжащий голос и звон колокольчика, которым старец сопровождал свое пение, вывели меня из моего раздумья. Я осмотрелся. Предо мной была одна из тех быстро

разросшихся деревень, которые, вследствие местных обстоятельств, в какие-нибудь пять или десять лет из поселка в три-четыре избы вдруг превращаются в длинные села с постоянными дворами, харчевнями и проч.

Около часовни болталась толпа ребятишек. «Будьте вкладчики на мягкие калачики!...» – голосили они целым хором, очевидно поддразнивая сборщика-старца.

– Вот я вас, мошенники! – грозил им дед своею толстою палкой, не вставая с места.

Мещанин какой-то подъехал к часовне. «Будьте вкладчики...» – заголосил было дед, но мещанин предупредил его. Сняв картуз, он начал молиться, расправляя свои длинные волосы. Мальчишки между тем голосили громче прежнего: «Будьте вкладчики на мягкие калачики...»

Мещанин, по-видимому, не обращал на них ни малейшего внимания. Наклонившись к старику, чтобы сотворить ему милостыню на построение храма, он потихоньку сказал ему: «Поймать, што ли, дедушка?»

– Пымай, пымай, голубчик ты мой! Пымай какого-нибудь. Изняли они меня, разбойники! Страсть как изняли!

Вдруг мещанин бросился на стаю ребятишек, схватил какого-то мальчугана за включенный хохол и подтащил к деду.

– А, падлюка, попался! – шамшит дед и дерет мальчишку за вихры. Мальчишка орет во все горло. Мещанин стоит поодаль и приговаривает: «Вот это прекрасно! Вот это чудесно! Ай да дедушка! Половчей ему голову-то расчеши, – ему

скоро жениться понадобится...»

От часовни к селу тянулся огромный сад, молодой еще. За садом начинался длинный деревянный забор с соломенными сараями, которые особенно помогают отличать в деревнях и селах помещичьи дома от купеческих. Дома первых обыкновенно строятся, как говорится, на юру. Одиноко торчат около них беспорядочно разбросанные разные барские пристройки и службы, разрушенные и гниющие, тогда как дома купцов непременно обнесены новым забором с воротами наподобие крепостных ворот, и видишь, что все это строение принадлежит одному хозяину, что так же крепко оно, как крепок хозяин сам, и что оно ново так же, как нов сад, который обыкновенно разводится за домом на таком страшном количестве десятин, какого достаточно было бы для того, чтобы поселить на нем целый город.

По всей длине садовой огорожи и деревянного домового забора быстро преследовали меня мальчишки, дразнившие старого сборщика.

– Цыцарцы, цыцарцы идут! – восклицали они, видя во мне передового тех несчастнейших шарманщиков, которые шатаются по уездным ярмаркам.

– Мотри, малый, заиграет сичас.

– Где заиграет? Вишь, у него коробка-то нет на спине.

– А может, он глаза нам отвел, вот мы коробка-то и не видим.

На крыльце купеческого дома, сад и забор которого только

что прошел я, сидели две девицы, полноты и румянца изумительного. При моем приближении они пугливо вскочили и убежали в комнаты. Между тем я поравнялся с домом.

– Вендерец какой-то идет, маменька! – очевидно, про меня рассказывали румяные девицы.

– Пусть идет! Бог с ним! – слышалось мне из растворенного окна.

– У вас все бог с ним! Выдь-ка, Матрена, за ворота поскоре-рей, посмотри, не сдул бы чего; а я с крыльца посмотрю, – говорил мужской голос.

– Эй, цыцарец, сыграй на музыке-то, – с хохотом кричали мальчишки, бежавшие за мной.

На крыльцо купеческого дома вышел толстый мужчина с бородой, в ситцевой рубашке и подозрительно смотрел на меня. Из-за его плеча пугливо выглядывали румяные девицы, в ворота выбежала маленькая сухощавая бабенка и тоже устремилась на меня с самым наблюдательным вниманием. Вместе с бабой выбежала огромная собака и азартно зала-яла и заметалась около меня. Ни сам купец, ни сухощавая бабенка не удерживали собаки, и только толстая палка моя держала ее в почтительном отдалении...

– Не можете ли вы пустить меня ночевать? – сказал я, обра-щаясь к купцу.

С какою-то особенною ненавистью посмотрел на меня купец, отвернулся и ушел с крыльца. За ним убежали полные девицы.

– Ах вы, братцы мои! Ночевать просится, – говорила стоявшая у ворот бабенка, помирая со смеха. – Милые мои! – орала она кому-то на дворе в растворенную калитку, – гляньте-ка, милые мои, цыцарец ночевать просится... Ох, черт ты проклятый! Уморил совсем...

А собака между тем неистово храбро подкатывалась мне под ноги, заливаясь валдайским колокольчиком. Я не вытерпел и дал ей палкой туза. Завизжала собака, как обваренная кипятком, и бросилась в подворотню.

– Ах черт ты проклятый! – заорала с невыразимым азартом бабенка. – Ах ты, нехристь поганая! Собаку убил, вот я ребят вышлю – они те бока-то намнут...

Я скорыми шагами удалялся от сего прекрасного сельского убежища.

– А, идол ты эдакой, – собак бить стал. Моли бога, что ушел далеко, я бы тебе... – кричал за мной сам домохозяин.

Я очень хорошо знаю толк в степных идилиях, чтобы нисколько не возмутиться незаслуженною бранью, которою осыпала меня красная рубаха, – и шел искать себе более гостеприимного крова.

Мальчишки, встретившие меня в начале села, между тем уже предупредили меня. Я очень явственно слышал, как они, разбегаясь по сельским улицам и переулкам, орали во все свои звонкие горла:

– Собирайтесь, братцы, цыцарцы в село идут!

– Пусти, хозяин, ночевать, – спрашиваюсь я у мужика, си-

девшего на завальне первой избы.

Не ответив мне ни одного слова, мужик торопливо вскакивает с места и скрывается в сени. Я иду за ним, но дверь затворяется – и я имею наслаждение слышать, как щелкнула перед самым моим носом ее железная запорка.

Вслед за мной раздается хлопанье избяного окошка. Из него любопытно высовываются несколько женщин.

– Этот? – спрашивают они у кого-то внутри избы, покаявая на меня пальцами.

– Он и есть! – отзывается им мужской голос. – Откуда только наносит их к нам – короткохвостых?.. Пойти лошадей посмотреть, целы ли! Не сцарапал бы их цыцарец-то!..

– Пойдемте-ка и мы, бабы, взглянем, не намазал ли он стены либо плетня чем-нибудь. У них составы таки есть: намажет стену с вечера, а утром, только что солнце пригреет, стена-то и загорится.

На другой завальне сидят два мужика и женщина. Они бойко толкуют о чем-то. Женщина громко хохочет, слушая их.

– Пустите ночевать, братцы! – обращаюсь я к ним.

– Што?

– Ночевать пустите.

Мужики смотрят на меня, как на такого человека, который вдруг ни с того ни с сего дал им по самой ошеломляющей оплеухе. Бабенка, сидевшая с ними, видимо лопается, стараясь удержаться от смеха.

– Чужаки мы сами здесь, милый человек! У приятеля сидим. А ты вон на постоялом дворе поди попросись. Может, и пустят.

– А где же тут постоянный двор?

– А вон насупротив-то!

Я иду насупротив, а благоухающая вечерним запахом трав и дерев сельская улица оглашается басистым хохотом мужиков, пославших меня насупротив, которому дружно вторит тонкий и неистово радостный хохот бабы. На крыльце *насупротив* сидит пожилая женщина и кормит довольно взрослого ребенка.

– Бог в помощь, милая! – желаю я ей.

– Спасибо, касатик! Што тебе надоть? У меня ничем-ничего нет. Водицы испить дам, коли хочешь.

– Ночевать пусти, тетка, у тебя постоянный двор. Мне вон те мужики сказывали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.